

Л. А. Балькова

**ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ
МЕМОРИАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ ТУРГЕНЕВА¹**

Часть II
(1825–1839)

Внимание Тургенева к процессам становления новой русской литературы известно.² Писатель признавал себя свидетелем и участником уникального явления в истории отечественной, да и европейской культуры. И если в финале статьи о трагедии Н. В. Кукольника «Генерал-поручик Паткуль» (1846) Тургенев еще выражал опасение насчет судеб русской словесности, вспомнив замечание г-жи де Сталь, что «литература в России есть развлечение нескольких дворян», то к концу жизни он мог говорить о великой русской литературе как о свершившемся факте. В ряде статей и выступлений писатель фиксирует основные события и вехи этого процесса: Ломоносов начал создание современного русского языка, Пушкин окончательно создал его — в связи с чем Тургенев ставит эти имена едва ли не выше Петра Великого. На взгляд пи-

¹ Начало статьи см.: И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы / Под ред. Н. П. Генераловой, В. А. Лукиной. М.; СПб., 2009. Вып. 1. С. 20–47.

² Н. П. Генералова в своем обзоре работ, посвященных деятельности Тургенева как литературного критика, справедливо отмечает: «...наследие Тургенева-критика столь широко и многообразно, а влияние его на современный литературный процесс столь значительно, что игнорирование этой части наследия писателя привело бы к неизбежному искажению общей картины как его собственного творчества, так и в целом истории русской критики XIX века» (см.: *Генералова Н. П.* Еще раз Белинский (О литературно-эстетических взглядах И. С. Тургенева) // Там же. С. 241).

сателя, создание языка дело более трудное, чем создание империи. Подобное сравнение Тургенев использует и тогда, когда речь идет о Гоголе, который «был не просто писатель: он нам открыл нас самих; он во многих отношениях был для нас продолжателем Петра Великого».³

Сам будучи драматургом, Тургенев ревниво следил за становлением русского театра, с пристрастием обсуждал появление каждой новой пьесы Островского, досадовал на то, что представлялось ему промахом или данью ложной тенденции. Не говоря уже о его известных выступлениях против сочинений так называемой «ложновеличавой школы», схватки с которой пришлось на время литературных дебютов Тургенева и в которых он принял участие рядом с Белинским. Несмотря на непростые личные отношения с Л. Н. Толстым, Тургенев, приветствовав его первые шаги на литературном поприще и неизменно, вплоть до последних своих дней, заботясь о его литературной славе как в России, так и в Европе, успел увидеть вершинные достижения его творчества.

С годами, обращаясь к пережитому, обозревая путь, пройденный отечественной словесностью, Тургенев в «Литературных и житейских воспоминаниях» является не просто мемуаристом, запечатлевшим лица и события, но летописцем, стремящимся воссоздать картину жизни русской литературы за столетия — в ее главных персонажах и группах, в драматических столкновениях, на фоне меняющегося исторического пейзажа.

Эту роль Тургенев принимает вполне сознательно. К ней он возвращается не раз, начиная со статьи «De la littérature russe contemporaine» («О современной русской литературе»), напечатанной во французской «Illustration» (1845); таковым он является в своих выступлениях дома и за рубежом, в качестве «посла от русской литературы в Европе». Он дает краткую характеристику пройденного литературой пути в Речи на первом Международном литературном конгрессе в Париже (1878). Более развернуто он высказывается на ту же тему в Речи на открытии памятника Пушкину (1880) — это итог раздумий писателя над «переворотом», свершившимся в общественном сознании в эпоху, когда литература стала важнейшим фактором в культурной жизни России.

Этот «переворот» запечатлен у Тургенева не только в портретах и характеристиках виднейших деятелей отечественной беллетристики, таких, как Пушкин или Гоголь, но и менее известных, почти забытых, которые, тем не менее, были неотъемлемой частью эпохи. Для Тургенева

³ ПССиП(2). Письма. Т. 2. С. 386. Письмо к П. Виардо от 21 февраля (4 марта) — 4 (16) марта. Подлинник по-франц.

важно было воссоздать и ту среду, которая формировала эстетические вкусы и потребности, определяла моду на идеи и стили. Вот почему выступления Тургенева — живого свидетеля и историографа литературы — всегда основываются на знании литературной и окололитературной среды: кружки, группировки, литературные салоны и, конечно, журналы. «Вестник Европы» и «Сын отечества», «Библиотека для чтения» и «Северная пчела», «Московский телеграф» и «Телескоп», «Отечественные записки» и «Современник», издатели, редакторы, критики, явление новых имен в литературе, журнальная политика и журнальная полемика, взлеты и крушение казалось бы преуспевающих изданий — все это становится предметом размышлений Тургенева с ранних лет.

Для русской журналистики, как, впрочем, и для всего российского общества, 1825 год стал очередным водоразделом, за которым последовали нешуточные испытания на прочность. После подавления восстания декабристов и вступления на престол Николая I в стране ужесточается полицейский режим, что сказывается на положении периодической печати: вводятся серьезные цензурные ограничения, новый цензурный устав (1826), учреждаются Главное управление цензуры и цензурные комитеты (1828). Меры, которые призваны не допустить распространения крамолы в государстве. По сути, сводится к нулю возможность высказываться по политическим вопросам — эта привилегия отныне принадлежит лишь строго ограниченному числу «проверенных» изданий. Поневоле широкое применение получают в журналистике, да и в литературе в целом скрытые формы выражения общественного мнения, в том числе так называемый «эзопов язык». Желаящие быть в курсе политических событий читают зарубежную прессу. Недаром в автобиографической повести «Первая любовь» Тургенев упоминает французскую «*Journal des Débats*» — газету, которую по семейной традиции отец героя читает вслух по утрам.

В этих условиях литература приобретает все большее значение, становится в определенном смысле единственной выразительницей общественного мнения.

Революционные события во Франции 1830-х годов повлекли за собой новые суровые меры: приостановлена «Литературная газета» А. А. Дельвига, запрещен журнал Н. М. Карамзина «Европеец», за ним последует закрытие журнала Н. А. Полевого «Московский телеграф» (1834), в 1836 году — изданий Н. И. Надеждина «Телескоп» и «Молва».

В этой обстановке относительно благополучно чувствовал себя лишь издатель «Северной пчелы» Ф. В. Булгарин, да еще несколько представителей журналистского цеха. Но и Булгарину, и его сподвижнику

Н. И. Гречу приходилось применяться к веяниям времени. Журнал «Сын отечества» (издатель Н. И. Греч), бывший в додекабрьский период одним из лучших периодических изданий в России, блиставший созвездием авторов, среди которых Жуковский, Пушкин, Кюхельбекер, Вяземский, Грибоедов, Рылеев, журнал, снискавший себе славу борца за романтизм, после 1825 года, когда в его редакцию был приглашен Булгарин, приобретает консервативно-охранительное направление (с 1829 года он выходит под объединенным названием «Сын отечества и Северный архив»). Тем не менее, с воцарением «железной зимы» в цензуре, заметно усиливается спрос на литературу. Журнал Греча — Булгарина выставляет на титульном листе литературу на первое место: теперь это «журнал литературы, политики и современной истории». И все же, по мнению Белинского, собственного «направления» журнал не имел, круг сотрудников был весьма пестрым — в нем, помимо издателей, принимали участие А. А. Бестужев, Ф. Н. Глинка, М. А. Дмитриев, Н. М. Муравьев, П. А. Катенин, А. А. Писарев — авторы, придерживавшиеся порой диаметрально противоположных взглядов. Следуя моде, издатели конца 1820-х годов отдавали предпочтение сочинениям романтической школы. Не удивительно, что произведения этого рода пришлись по вкусу настроениям Тургенева-подростка, питали их.⁴ Он был заворожен мятущимися героями А. А. Бестужева-Марлинского — в 1831 году он, по собственному признанию, испытал «неизъяснимое волнение и переворот во всей внутренности», читая его повесть «Изменник» (1825).⁵

В 1833 году в «Сыне отечества» (№ 9–17) был опубликован роман Бестужева-Марлинского «Фрегат Надежда», который, скорее всего, тогда же был прочитан будущим писателем. В дошедшем до нас издании журнала из библиотеки Тургенева имеются пометы, свидетельствующие о заинтересованном внимании читателя. Так, репликой «Превосходно» на полях отмечен следующий текст: «...он горд, похитив первый поцелуй, как Прометей, похитив огонь с неба».⁶ На другой странице читателя привлекли не менее пафосные строки: «*Еще, еще, дальше и более* — вот границы духа человеческого, а границы эти

⁴ См.: Балыкова Л. А. Тургенев и Шарль Нодье: Две повести о первой любви // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. М.; СПб., 2011. Вып. 2. С. 24–33.

⁵ ПССиП(2). Письма. Т. 1. С. 128. Письмо к Н. Н. Тургеневу от 3, 4, 5 (15, 16, 17) апреля 1831 г.

⁶ Сын отечества. 1833. № 14. С. 370.

за звездами млечного пути, за тенью могилы».⁷ Не менее характерна пометка на полях текста: «...княгине не долго было уложить свое сердце, а имевши его в груди, влюбленная женщина смело может сказать: *omnia tecum porto*. Все с собой ношу!».⁸ В это время Тургеневу было пятнадцать лет — он держал экзамен в университет, новая жизнь открывалась перед ним, и он был влюблен. Марлинский пришелся кстати романтически настроенному подростку.

Много позже, в рассказе «Стук... стук... стук!..» (1871), вспоминая о тогдашней популярности сочинений Бестужева-Марлинского и об их влиянии на образ мыслей и поведение современников, Тургенев писал: «Герои à la Марлинский попадались везде, особенно в провинции и особенно между армейцами и артиллеристами; они разговаривали, переписывались его языком; в обществе держались сумрачно, сдержанно — „с бурей в душе и пламенем в крови“, как лейтенант Белозор „Фрегата Надежды“».⁹ Заметим, что здесь Тургенев вольно или невольно объединяет два произведения Бестужева-Марлинского — «Лейтенант Белозор» и «Фрегат Надежда».¹⁰

Печатаая авторов романтического направления, издатели зачастую преследовали свои прагматические цели: журнальное дело в случае успеха приносило теперь немалый доход. Вот выразительный отрывок из помещенной в «Московском наблюдателе» статьи С. П. Шевырева «Словесность и торговля»,¹¹ который критик «Сына отечества» приводит в обзоре «Русская критика в 1835-м году», — отрывок, отмеченный читателем журнала (возможно, им был Тургенев) и содержащий весьма трезвый взгляд на подоплеку «журнального бизнеса»: ¹² «Да, да — мой взгляд на современную нашу литературу будет ныне совершенно материальный. На журналы я смотрю, как на капиталистов. „Библиотека для чтения“ имеет для меня пять тысяч душ подписчиков. „Северная пчела“, может быть, вдвое. Замечательно, что эти журналы еще в том сходятся с богачами, что любят хвастаться всенародно своим богатством. — *И эти души подписчиков гораздо вернее, чем твои оброчные:*

⁷ Там же. С. 371.

⁸ Там же. № 15. С. 5.

⁹ ПССиП(2). Соч. Т. 8. С. 228.

¹⁰ См.: Там же. С. 499, коммент. Л. М. Лотман.

¹¹ См.: Московский наблюдатель. 1835. Ч. I, март. Кн. 1. С. 5–29.

¹² Отметим, что этот же отрывок Белинский привел в своей статье «О критике и литературных мнениях „Московского наблюдателя“», впервые опубликованной в «Телескопе» (1836. Ч. XXXII. № 5). Ср.: Белинский. Т. 2. С. 127.

за ними нет никогда недоимки; они платят вперед (!) и всегда чистыми деньгами (!!) и всегда на ассигнации (!!!) — Вот едет литератор в новых санях: ты думаешь, это сани. Нет, это *статья* „Библиотеки для чтения“ (?), получившая вид саней, покрытых медвежьей полстью, с богатыми серебряными когтями. Вся эта бронза, этот ковер, этот лак чистый и опрятный — все *это листы дорожно заплаченной статьи, принявшие разные образы санного изделия*. Литератор хочет дать обед и жалуется, что у него нет денег. Ему говорят: „Да напиши повесть — и пошли в «Библиотеку»: вот и обед“». ¹³ На следующей странице читателем отчеркнут текст, подводющий итог сказанному: «Кто движет всею этою машиною нашей литературы? *Книгопродавец*. С ним подружилась наша словесность, *ему продала себя за деньги* и поклялась в вечной верности». ¹⁴ Участие в журнальном деле давало надежду на материальное благополучие и независимость.

Мы не можем с определенностью утверждать, что процитированный отрывок был отчеркнут Тургеневым (большая часть сохранившихся томов журнала имеет тиснение Белинского, тем не менее в подборке «Сына отечества» (1813–1836) есть дублетные экземпляры, ряд книжек могут рассматриваться как изначально принадлежавшие семье Тургеневых), и все же некоторые пометы, скорее всего, были сделаны рукой будущего писателя. Как бы то ни было, позднее Тургенев не исключал возможности сотрудничества в «Сыне отечества». В 1840 году, когда Булгарин и Греч покинули редакцию журнала и на место главного редактора заступил А. В. Никитенко, Тургенев писал ему перед своим отъездом в Италию: «...позвольте мне изредка присылать в Ваш журнал письма, которые, уже по одним подробностям италийской жизни, природы и памятников древности, может быть, не будут совершенно лишены интереса». ¹⁵ Однако вступление Тургенева на поприще журналистики произойдет позднее.

К петербургским изданиям романтической направленности, сохранившимся в библиотеке Тургенева, следует отнести газету М. А. Бестужева-Рюмина «Северный Меркурий», выходившую в 1830–1832 годах. На ее страницах печатались сочинения отечественных и зарубежных прозаиков, стихотворения, в библиографическом отделе помещались обзоры литературных новинок, новых театральных постановок в России и во Франции, публиковались воспоминания участников войны

¹³ Сын отечества. 1836. № 3. С. 186.

¹⁴ Там же. С. 187.

¹⁵ ПССиП(2). Письма. Т. 1. С. 147. Письмо от 14 (26) января.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходит по понедельникам, средамъ и пятницамъ.

№ 24.

Цена годов. изд., состоящему изъ 156 NN., въ С. П. В. 50, съ доставкою 30, съ пересмалою 57 руба.

1850, 24 ФЕВРАЛЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Со сѣнъ прибороть сатана, или сулбурицица жена; Мльничикъ, колдунъ, облащичикъ и сватъ. Обѣ прех-активныя Комическія Оперы. (Вечернее представленіе на Новомъ Театрѣ, у Симіоновскаго моста, 16-го Февраля.)

L'homme propose et Dieu dispose — говоритъ старинная пословица; и въ силу оной, вмѣсто того, чтобы, для прощанія съ Театрами на два мѣсяца, быть въ Большомъ Театрѣ и посмотришь на Г. Брюля, въ роли Жюко, я очутился въ Новомъ для Сулбурицицы жены и Мльничика! — Вотъ какимъ образомъ это случилось. Часу во вторникъ предъ обѣдомъ, спраснивая по зубочнымъ Театрамъ на Дворцовой площади, въ одномъ

изъ нихъ встрѣтился я неожиданно съ стариннымъ моимъ приятелемъ и товарищемъ по полевой службѣ, конюскаго я назову Горемыковичемъ. Этимъ именемъ я называю его для того, чтобы данъ читателямъ нѣкоторое предварительное понятіе о вышнемъ состояніи его жизни. Эпохъ Горемыковъ дѣйствительно неперъ, горе мыкаешь, хоши совершенно произвольное, но въ полномъ смыслѣ сего слова. Лѣтъ за семь тому назадъ онъ былъ лихимъ командиромъ роты гранадеръ, и былъ любимъ начальниками, товарищами и ротною. Словомъ сказать, Горемыковъ былъ прекрасной малой. Я, болѣе прочихъ, жилъ съ нимъ душа въ душу. Между нами ничего не было пераздальнаго:

С М Ъ С Б.

— Невскій Альманахъ нынѣшняго года лучше прошну въсѣхъ собраний. Впрочемъ, лучность шакъ-же не вмѣняется въ достоинству книгамъ, какъ и подамъ. На сей разъ онъ замѣчательнъ одного только приятною новостью: музыкальнымъ прибавленіемъ, въ коемъ помѣщено пять пѣсень. Примѣчательнѣе изъ сихъ послѣднихъ сунъ: Rondetto Г. Карла Мейера, Польской Г. Франца Шуберта и Романсъ: *Счититъ лислицъ на кладбишѣ*, и проч.; слова В. А. Жуковскаго, музыка М. И. Глинки, молодого Аматѣра, извѣстнаго любителямъ музыки прелестнымъ своимъ дарованіемъ.

И шакъ, въ нынѣшемъ году Москва *) и Петербургъ подарили намъ по Альманаху съ музыкаю. Это приятно. Желательно, чтобы и прочіе Издашени Альманаховъ слѣдовали сему примѣру. Можеть случиться, что шой Альманахъ искупить музыкальнымъ успѣхомъ литературные свои недоспапки. По нашему знанію, въ этихъ альманачныхъ музыкальныхъ прибавленіяхъ, для разнообразія, хорошо-бы помѣщать и балльную музыку, шакже разныя шемы съ вариціями для игры, и болѣе Романсовъ, съ акомпанишномъ для пѣвья.

*) Въ Москвѣ изданъ въ нынѣшемъ году Альманахъ съ музыкальнымъ прибавленіемъ: *Редукс*.

1812 года. Отводилось место и хронике светской жизни, новинкам моды. Среди авторов газеты были А. Е. Измайлов, В. И. Карлгоф, А. Д. Илличевский, А. Н. Глебов, рано умерший С. А. Ольхин, подписывавший свои стихотворения начальными буквами «Ол.», и др.¹⁶

Большая часть поэтических произведений, опубликованных в газете, представляет собою стихотворения «на случай». Это многочисленные мадригалы, послания, эпитафии, басни, эпиграммы. Именно последние повсеместно отмечены читателем экземпляра из книжного собрания мемориальной библиотеки Тургенева: можно думать, что его особо привлекали стихотворные пародии и эпиграммы (заметим, что этот жанр был вовсе не чужд Тургеневу). Например, среди прочего отмечена строка из следующей эпиграммы Бестужева-Рюмина на неизвестного quasi-философа:

Не отвяжусь от скучного Пахома!
Все пристаёт с задачею своей:
Какой нет истины верней?
Что он дурак — вот аксиома!..¹⁷

Пометы, обнаруженные в подборке, не характерны для читательской манеры Белинского. Между тем они передают настрой читателя, склонного к шутке и розыгрышу, а также проявляющего интерес к жизни литературного цеха. Так, на полях отрывка из поэмы Ф. Н. Глинки «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой» (1830), приведенного анонимным рецензентом, отмечен практически весь фрагмент, сатирически представляющий жизнь светскую и околожурнальную, — от слов: «Живут селениями духи...», включая пассаж:

Я не могу уверить вас:
Имеют ли они Парнас,
Собрания авторов и залы
Для чтения. — «А есть журналы?»
Нет-с! — Ну, и ссора меньше там:
Литературные нахалы
Не назовут по именам
И по отечествам, чтоб гласно,
Под видом критики, ругать:
То с здравым смыслом несогласно!

¹⁶ Многие публикации выходили без подписи. Л. Р. Ланский не считал возможным включить «Северный Меркурий» в перечень изданий из библиотеки Белинского.

¹⁷ Северный Меркурий. 1830. 17 января. № 8. С. 32.

И где, кто б мог закон сыскать,
Который бы людей уволил
От уз приличия? И им,
Как будто должное, дозволил
По личным прихотям своим,
Порою ж и по ссоре личной,
Кричать, писать, ругать публично?..¹⁸

Отрывок доносит накал страстей журнальной полемики, а также уровень и нравы критиков, досаждавших не одному автору «Карелии».

Не менее выразительна читательская помета на полях романа в стихах «Евгений Вельский», аттестуемого критиком газеты как слабое подражание пушкинскому «Евгению Онегину». Читатель отчеркнул на полях отрывок, посвященный описанию луны в произведениях отечественной литературы, и нашел его весьма удачной пародией. Возможно, уже тогда, в начале 1830-х годов, читатель газеты (а мы полагаем, что этим читателем был юный Тургенев) получил своеобразную «прививку» от романтических штампов. Недаром он упомянет о них в сатирическом духе в своей первой печатной поэме «Параша», в стихах, посвященных «восторженным девицам»:

Я не любил их толстых, бледных лиц,
Иная же — помилуй бог — поэтка.
Всем восхищаются: и пеньем птиц,
Восходом солнца, небом и луною...¹⁹

Сам Тургенев, в качестве лирического поэта, будет стремиться, за малым исключением, максимально лаконично обозначить образ ночного светила и лунный свет, эти непеременные атрибуты романтического пейзажа.

В «Северном Меркурии» пародии и сатира не занимали, однако, исключительного места. Большая его часть была отведена обзору новинок отечественной литературы, особенно тех, что были посвящены событиям российской истории. Рецензент N. N., рассуждая об авторе вышеупомянутой поэмы «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой», так писал о его достоинствах: «Наиболее народный

¹⁸ N. N. О новом стихотворении Ф. Н. Глинки: Карелия, или Заточение М. И. Романовой // Северный Меркурий. 1830. 21 февраля. № 23. С. 92. Этот отрывок рецензент «Северного Меркурия» предварил следующим замечанием: «Наш поэт прекрасно разнообразит важный слог описания веселым шутивным слогом рассказа, а инде и едкостью сатиры» (Там же. С. 91–92).

¹⁹ ПССиП(2). Соч. Т. 1. С. 68, 70.

из русских стихотворцев есть Ф. Н. Глинка. Добродетельная любовь к родной стране и производимая ею полнота души; тонкое чувство изящного, открывшее тайну поэзии в русской природе, в русских нравах, в политической жизни России; русский язык, со всею его выразительностью, точностью, гибкостью и благозвучием — вот, по нашему мнению, отличительный характер того рода стихотворений Глинки, который ставит его, в отношении к народности, на первое место между русскими стихотворцами и делает сего поэта драгоценным достоянием России».²⁰ Следует отметить это суждение, обращающее читателя к проблемам русского литературного языка. Впоследствии Тургенев немало размышлял и писал на эту тему: именно ему было суждено дать одну из самых ярких и выразительных характеристик родному языку в знаменитом стихотворении в прозе.

1830-е годы — рубеж, озаменованный переменной привычной картины в мире журналов. Угасает «Вестник Европы», некогда созданный и одушевленный гением Карамзина (сейчас в книжном собрании Тургенева имеется неполный его комплект за 1802–1830-е годы). А ведь некогда именно на страницах этого журнала появились переводы первых вестников романтизма — г-жи де Сталь и Шатобриана. К началу 1830-х годов журнал становится просто «сборником статей, без направления, без мысли».²¹

К 1830 году прекратит свое существование, не прожив и двух лет, журнал «Галатея», издававшийся С. Е. Раичем (Амфитеатровым) и состоявший преимущественно из переводов и статей самого издателя (в библиотеке Тургенева сохранились книжки журнала за 1829–1830 годы). На его страницах печатались произведения Пушкина, Тютчева, Баратынского, Вяземского, Ф. Глинки. По-видимому, журнал не выдержал конкуренции с другими изданиями, отличавшимися большей определенностью направления. Раич же о нем как будто не заботился. Во вступительной статье к журналу он писал: «...„Галатея“ — бабочка; как дать ей направление?».²² Тургенев, безусловно знакомый с публикациями «Галатеи», не без иронии упоминает о ней как о своего рода «антикварном издании» в повести «Петушков».

Столь же недолгим был век журнала «Русский зритель», издававшегося в Москве К. Ф. Калайдовичем и Д. П. Ознобишиным и имевшего целью познакомить читателя с достижениями в области истории и сло-

²⁰ Северный Меркурий. 1830. 19 февраля. № 22. С. 85.

²¹ *Белинский*. Т. 9. С. 683.

²² Галатея. 1829. Ч. 1. <С. 2>.

весности. Значительное место в журнале занимали материалы по истории России, литература же была представлена произведениями второстепенных авторов. Тем не менее здесь появлялись стихотворения Тютчева, печатались статьи С. Т. Аксакова, Н. В. Киреевского, С. П. Шевырева, М. П. Погодина. Тяжелая болезнь Калайдовича, талантливый археограф, предопределила судьбу журнала: его последняя книжка вышла в 1833 году. Среди книг Тургенева сохранились лишь две части этого издания — за 1828 и 1829 годы. По-видимому, Тургенев познакомился с этим изданием позднее.

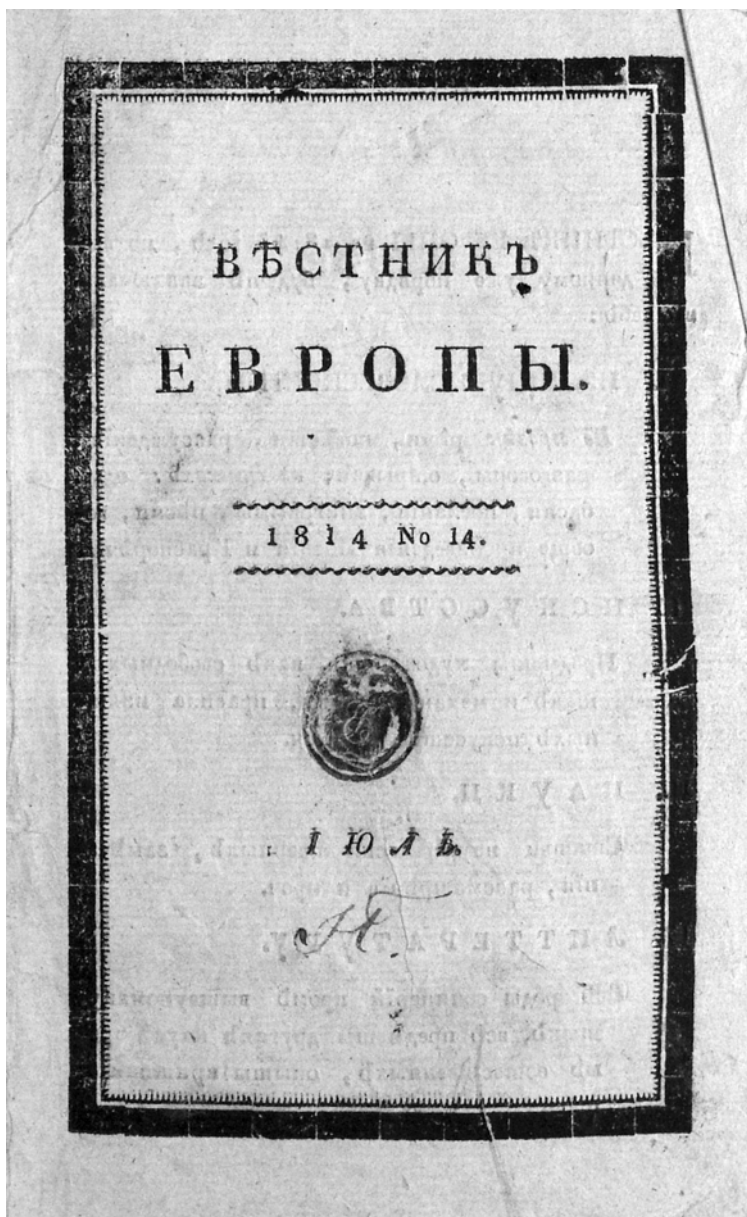
На первый план тогда выдвигались совсем другие издания. Нет сомнения, Тургенев был хорошо знаком с журналом энциклопедического толка, весьма популярным в свое время, — «Библиотекой для чтения» (издатель А. Ф. Смирдин, редактор О. И. Сенковский). Хотя в книжном собрании писателя сохранилось всего несколько томов этого издания за 1822 год (тогда журнал выходил в качестве приложения к «Сыну отечества») и ряд томов за 1852, 1858–1859 годы, следует утвердительно говорить о знакомстве Тургенева с публикациями этого журнала в 1830-е годы. В «Литературных и житейских воспоминаниях», упомянув «смирдинскую эпоху» в отечественной журналистике, он так писал о влиянии «Библиотеки для чтения» и ее редактора на умы читателей: «...барон Брамбеус <т. е. Сенковский. — Л. Б.> царствовал, „Большой выход у Сатаны“ почитался верхом совершенства, <...> а критический отдел в „Библиотеке для чтения“ — образцом остроумия и вкуса <...>», — и добавлял далее, что в творениях Гоголя «оракул „Библиотеки для чтения“ видел один грязный малороссийский жарт».²³ Упомянутый Тургеневым фельетон Сенковского, опубликованный в «Новоселье» Смирдина, отлично характеризовал взгляды редактора «Библиотеки для чтения», всегда придерживавшегося официальной точки зрения.

Отметим, что «Библиотека для чтения» стала одним из немногих изданий, отрицательно встретивших публикацию первой поэмы Тургенева «Параша», которая была благосклонно принята критикой.

Много лет спустя, в повести «Петушков», упоминание о «Библиотеке для чтения» Сенковского послужит характеристике героя, отличавшегося провинциальной ограниченностью кругозора.

В книжном собрании Тургенева сохранились журналы, издававшиеся в Москве в конце 1820-х — начале 1830-х годов. Судя по владельческим знакам и автографам, большая их часть попала в усадебный дом писателя с книгами Белинского, который в этот период уже был вовле-

²³ ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 15–16.

Журнал «Вестник Европы» (1814).
На обложке — инициалы Тургенева.
Мемориальная библиотека Тургенева, Орел

чен в журналистскую деятельность и вскоре был признан в качестве влиятельного критика. Это обязывало его следить за публикациями, появившимися во многих журналах, столичных в особенности. Именно к этому времени относится пребывание семьи Тургеневых в Москве — чем можно объяснить наличие в библиотеке в разделе периодики дублетных экземпляров того или иного журнала. Некоторые из них сохранили несомненные признаки принадлежности книжному собранию Тургеневых.

Как справедливо отмечают историки отечественной периодической печати, в России после 1825 года «ведущая роль <...> принадлежала уже не петербургской, а московской журналистике».²⁴ Формируются оппозиционные настроения, организуются студенческие кружки. Начинают издаваться журналы, пытавшиеся критически взглянуть на окружающую действительность.

Одним из таких изданий стал «Московский вестник», с которым изначально связывал свои надежды на участие в журнальной деятельности Пушкин. В библиотеке Тургенева сохранились разрозненные книжки журнала за 1827, 1828, 1830 годы. Журнал возник в кружке участников Общества любомудрия, поклонников философии Гегеля. «Московский вестник», первоначально выходивший в виде сборника-альманаха, редактировал Погодин, которому помогал Шевырев. В число сотрудников журнала сразу же был включен Пушкин. В журнале печатались его стихотворения, сцена из трагедии «Борис Годунов», а также отрывки из «Евгения Онегина», «Графа Нулина» и др. К участию в журнале были привлечены Баратынский, Д. Давыдов, Н. Языков, Ф. Глинка, Веневитинов, Хомяков. Здесь помещались переводы сочинений писателей-романтиков — Гёте, Шиллера, Шатобриана. Главной задачей журнала его участники считали борьбу с материализмом французских просветителей XVIII века, пропаганду произведений Канта, Гегеля, Шеллинга. Философское, слишком элитарное направление издания объясняет его неуспех у публики. Вскоре Пушкин отошел от журнала, просуществовавшего всего три года. Все же влияние его на умы молодежи было плодотворным. Вокруг редакции сложилась «редчайшая для николаевского времени атмосфера политической и гражданской честности, неприятия произвола».²⁵ Несмотря на весьма сдержанный либерализм

²⁴ История русской журналистики XVIII–XIX веков / Под ред. А. В. Западова. 3-е изд. М., 1973. С. 153.

²⁵ Цит. по: *Цимбаев Н. И.* «Под бременем познания и сомнения...» (Идейные искания 1830-х годов) // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников / Под ред. И. А. Федосова. М., 1989. С. 17.

МОСКОВСКИЙ
В Ъ С Т Н И К Ъ.
ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ М. ПОГОДИНЫМЪ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1827.

В. Г. Белинский

Журнал «Московский вестник».
Титульный лист с владельческим автографом В. Г. Белинского.
Мемориальная библиотека Тургенева, Орел

группы «Московского вестника», ближайший помощник Бенкендорфа М. Я. фон Фок называл его участников «истинно бешеными либералами», чей образ мыслей, речи и суждения «отзываются явным карбонаризмом».²⁶ Понятно, что в эпоху цензурного террора журнал был обречен.

Знакомство Тургенева с лучшим периодическим изданием тех лет — журналом «Московский телеграф» Полевого, судя по всему, стало началом приобщения будущего писателя к журнальной жизни России. В доме выписывали этот журнал, быстро завоевавший популярность, хорошо оформленный, снабженный прекрасными цветными картинками мод, что особенно привлекало В. П. Тургеневу. Но юного Ивана Тургенева в «Московском телеграфе» интересовала критика, журнальная полемика, не один год бушевавшая вокруг «вопроса о романтизме». В письме к дяде Н. Н. Тургеневу от 27–30 марта (8–11 апреля) 1831 года он делится впечатлениями от чтения «критики» в двух московских журналах — «Московском телеграфе» и «Телескопе». Подростка поражает диаметрально противоположность суждений об одном и том же произведении (речь идет о стихотворениях М. А. Дмитриева и переводах А. Г. Ротчева): «Я начал читать „Телескоп“ <...>. Я сличил его с „Телеграфом“. Смешно видеть, как один хвалит то, что другой порицает. Вот пример:

О Дмитриеве, Михайле.

„Телеграф“.

„Телескоп“.

Принужденно, вяло, сухо.

Чисто, сильно, без принуждения.

О Ротчеве.

„Телеграф“.

„Телескоп“.

Виден талант большой.

Очень худо.

Посуди, кому верить?».²⁷

Этот отрывок дает представление о том, насколько волновал юного читателя вопрос о качестве художественного творчества, о субъективности и объективности критики, о вкусах, наконец. «Московский телеграф», как видно, оказал серьезное влияние на будущего писателя в процессе формирования его взглядов на литературу, обратил внимание на сочинения Шекспира, писателей-романтиков, прививал вкус к критическому осмыслению прочитанного.

²⁶ Цимбаев Н. И. «Под бременем познания и сомнения...». С. 18.

²⁷ ПССиП(2). Письма. Т. 1. С. 122–123.

Издатель «Телеграфа» Н. А. Полевой, ярый приверженец романтического направления в литературе, вменял себе в заслугу то, что «сделал из критики постоянную часть журнала русского».²⁸ По мнению Белинского, «Московский телеграф» являлся в то время одним из лучших журналов России — и сильной стороной его была именно критика. Следует заметить, что свободомыслие и независимость суждений отличали издателя и главного критика «Телеграфа» уже с первых его шагов на поприще журналистики, когда на него обрушилась ожесточенная травля со стороны Булгарина и Греча. С 1829 года Полевой издавал сатирическое прибавление к своему журналу — «Новый живописец общества и литературы»; в нем содержалось немало выпадов против одиозного редактора «Северной пчелы» (несколько номеров «Нового живописца» за 1830 год сохранились в мемориальной библиотеке Тургенева). Комплект «Московского телеграфа» (правда, с некоторыми пропусками) в основном был собран Белинским — многие тома имеют характерный переплет, тиснение «В. Б.» или владельческий автограф критика. Однако есть в библиотеке и дублетные экземпляры, и книжки журнала, значительно отличающиеся по оформлению от книг Белинского, — полагаем, они могут быть отнесены к собранию семьи Тургеневых.

В начале 1830-х годов читатель воспринимал «Московский телеграф» как трибуну романтизма, а его издателя как главного апологета этого направления. В журнале отразился весь спектр эстетики этого литературного течения. Среди авторов «Московского телеграфа» были Баратынский, Вяземский, Ф. Глинка, Козлов, Пушкин, Даль и др. Бестужев-Марлинский печатал здесь свои повести («Страшное гадание», «Аммалат-Бек»), К. П. Масальский и М. Н. Загоскин — свои исторические романы, В. Ф. Одоевский — музыкальные статьи и исторические очерки, А. С. Хомяков — патриотические стихи. «Московский телеграф» помещал на своих страницах переводы сочинений Гофмана, А. де Виньи, Ш. Нодье, Б. Константа, отрывки из «Крестовых походов» Ж.-Ф. Мишо,²⁹ «Мысли об истории и историках» Шатобриана, статьи о Шекспире и Гёте. Следует предположить, что со многими из этих

²⁸ Полевой Н. Очерки русской литературы. СПб., 1839. Ч. 1. С. XIV.

²⁹ Тургенев упоминает об «Истории крестовых походов», которую читает Наталья, героиня романа «Рудин», — видимо, речь идет о сочинении Жозефа-Франсуа Мишо (Michaud; 1767–1839); его популярность характеризует интерес читателей к средневековью, присущий эпохе романтизма (см.: ПССУП(2). Соч. Т. 5. С. 217, 493; коммент. М. О. Габель при участии Н. В. Измайлова).

авторов Тургенев мог познакомиться благодаря публикациям в «Телеграфе».

Есть все основания полагать, что пометы и маргиналии в томе 49 (№ 1–4) журнала за 1833 год принадлежат Тургеневу.³⁰ Особенно привлекла читателя повесть Полевого «Блаженство безумия». Пометки характеризуют его как весьма романтически настроенного молодого человека. С годами будут развенчаны в глазах Тургенева пленявшие его в ранней юности кумиры романтизма, ему предстоит самому не раз выступить против школы, проникнутой «самоуверенностью, доходившей до самохвальства»,³¹ он упрекнет некогда знаменитых авторов — Бенедиктова, Бестужева-Марлинского, Загоскина — в риторике и претенциозности, однако в художественных произведениях писателя «Московский телеграф» запечатлется как символ времени. Так, о популярности издания свидетельствует упоминание о нем в пьесе «Где тонко, там и рвется» (1848). Горский, цитируя «Графа Нулина», произносит: «Еще бы! первый дом в губернии. <...> Посмотри, „мы получаем «Телеграф»“». ³² В автобиографической повести «Пунин и Бабурин» (1874) расставание с «Телеграфом» знаменует окончание важной эпохи в жизни героя. Упоминание о журнале в автобиографической повести «Первая любовь» (1860) способствует воссозданию атмосферы всеобщей увлеченности романтизмом в московских кружках начала 1830-х годов, атмосферы, которая пришлась кстати влюбленному подростку — герою повести.

Как известно, то, что так привлекало и будоражило читателя в «Телеграфе», его критические статьи, в конечном итоге стало причиной его гибели. Критика, часто скандальная, нередко необъективная и оскорбительная (князь П. А. Вяземский писал о «полюемическом исступлении» Полевого), оттолкнула от издателей журнала многих его друзей и почитателей. В 1834 году за жестоким разносом, учиненным Полевым патриотической драме Кукольника «Рука Всевышнего отечество спасла», последовало закрытие журнала. Тогда Пушкин записал в дневнике: «„Телеграф“ запрещен. <...> Жуковский говорит: — *Я рад, что „Телеграф“ запрещен, хотя жалею, что запретили*». ³³

³⁰ Описание помет см.: Ланский Л. Р. Библиотека Белинского // ЛН. Т. 55. С. 527–532; Балыкова Л. А. Тургенев и Шарль Нодье: Две повести о первой любви. С. 25–27.

³¹ ПССИИ(2). Соч. Т. 11. С. 35.

³² Там же. Т. 2. С. 75.

³³ Цит. по: А. С. Пушкин — критик. М., 1978. С. 416.

**МОСКОВСКИЙ
ТЕЛЕГРАФЪ,**

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николемъ Полевымъ.

Часть пятьдесятъ пятая.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при ИМПЕРАТОРСКОЙ Медико-Хирургической Академіи.
1834.

Разумеется, Тургенев был в курсе злоключений Полевого после закрытия журнала. Он не преминет упомянуть о литературной сказке Е. П. Гребенки «Путевые записки зайца», где Полевой был представлен под именем полевого сверчка, в своих «Литературных и житейских воспоминаниях».

Бесспорно и то, что Тургенев, вслед за Белинским, отдавал должное Полевому как талантливому организатору книжного дела. Так, он ссылается на авторитет Полевого, автора статьи «Отрывок из заметок русского книгопродавца к сыну» (1846) в своей рецензии на драму С. А. Гедонова «Смерть Ляпунова». Знал Тургенев и работы Полевого-переводчика: именно в его переводе цитирует герой романа «Накануне» знаменитую реплику Гамлета из трагедии Шекспира (этот перевод с дарственным автографом переводчика Белинскому сохранился в библиотеке Тургенева — возможно, в доме писателя было и другое издание этой книги).

«Московский телеграф», кажется, стал одним из самых ярких событий в жизни юного Тургенева. Отныне он не оставляет вниманием процессов, происходивших в журнальном мире, который увлекает и притягивает его.

В первой половине 1830-х годов постоянным оппонентом «критик» «Московского телеграфа» был журнал Н. И. Надеждина «Телескоп». Не вполне ясно, получали ли в доме Тургеневых этот журнал — во всяком случае, № 1 «Телескопа» за 1831 год, упомянутый будущим писателем в письме к дяде Н. Н. Тургеневу, в книжном собрании Тургенева не сохранился. До нашего времени дошли разрозненные тома журнала за 1831–1833, 1835–1836 годы. Некоторые из них — части 25, 28, 29 за 1835 год — имеют характерное тиснение Белинского — «В. Б.», в том же XIV вклеен листок с рукописным текстом Белинского — указанием переплетчику. Эти книжки существенно отличаются от предыдущих (начала 1830-х гг.) по своему оформлению. Следует заметить, что в *Каталоге 1885 года*³⁴ подборка «Телескопа» не числится: видимо, при его составлении она не была обнаружена. Что касается помет, найденных в дошедших до нас томах журнала, на наш взгляд, не все они могут быть однозначно отнесены Белинскому (как полагает Л. Р. Ланский). Так, пометы на полях статьи «Сцены из жизни натуралиста» (Телескоп. 1831. Ч. VII. № 21), как нам представляется, были сделаны Тургеневым. Здесь, между прочим, выделен сюжет, составлявший с детства

³⁴ Об этом каталоге см.: И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. Вып. 1. С. 22.

«Московский телеграф» (1834. Т. 55).

На обороте картинки мод рисунок рукой Тургенева — профиль офицера.

Мемориальная библиотека Тургенева, Орел

предмет страстного увлечения писателя, — жизнь и повадки птиц. Например, на полях отчеркнуто поэтичное описание пения птицы-весельчака: «Гимн сей <т. е. пение. — Л. Б.> начинается, не как у соловья, протяжными, меланхолическими вздохами. Страстно и сильно запеваает весельчак свою песнь, которую потом строит, образует, разнообразит с невероятным искусством, стараясь ввести в состав своего концерта подражание самым приятнейшим звукам, коих образцы представляет природа, шепоту листьев, щебету коноплянки, журчанию ручейка».³⁵ Вполне возможно, что этот «гимн» привлек внимание Тургенева, будущего автора очерка «О соловьях». Здесь же отчеркнуты строки о характере орла, чья храбрость равняется его жестокости, и об особенном благородстве лебедя, который отличается «глубиной соображения, в коей человек может позавидовать птице».³⁶ Подобное чтение, может стать,

³⁵ Телескоп. 1832. Ч. VII. № 1. С. 87.

³⁶ Там же. С. 93.

явилось почвой, на которой позднее вырастут выразительные образы животных с их неподражаемой пластикой, повадками, образы, которые с такой любовью создавал Тургенев. Впрочем, пометы, о которых мы упомянули, могли быть сделаны уже после 1854 года. Бесспорно одно: в 1830-е годы Тургенев читал «Телескоп», независимо от того, выписывали ли его в родительском доме.

В журнале читателя, разумеется, привлекал раздел изящной словесности. Здесь можно было познакомиться с переводами сочинений Бальзака (в частности, с романом «Отец Горио», который тогда имел название «Дед Горио»), Шиллера, Гофмана, Вальтера Скотта, В. Ирвинга, А. Карра, А. Дюма-отца, Э. Сю. Переводчиками выступали А. С. Шишков, Раич, Шевырев, Н. В. Станкевич и другие. Отечественная поэзия была представлена именами Жуковского, Тютчева, Кольцова, Н. Языкова, Красова, Трилунного, Ознобишина, молодого Н. Станкевича, проза — произведениями Погодина, Загоскина, Лажечникова. Активно сотрудничали в журнале М. Г. Павлов, А. Х. Востоков, М. А. Максимович, Н. А. Мельгунов.

Особое место в журнале было отведено статьям, посвященным истории, быту, фольклору славянских народов. Из сообщений «Телескопа» Тургенев мог узнать о впечатляющих открытиях молодого археографа Ю. И. Венелина во время его экспедиций в Болгарию.³⁷ Не случайно имя Венелина, выпускника Московского университета, появится в романе «Накануне» как память о безвременно ушедшем ученом-подвижнике.

Надо думать, Тургенев-читатель не оставил без внимания тексты песен знаменитого украинского просветителя Г. С. Сковороды. Известно, как любил писатель малороссийские песни (в его книжном собрании в свое время был сборник украинских народных песен, составленный Максимовичем). «Сковородинские веснянки», напечатанные в «Телескопе», пленяют экспрессией любимых народом образов:

Ой ты, птичко желтобока,
Не клади гнезда високо.
Клади на зеленой травке,
На молоденькой муравке.
От! ястреб над головою
Висит, хочет ухватить:
Вашею живет он кровью.
От! от! ногти он острит.³⁸

³⁷ См.: Открытия г. Венелина // Телескоп. 1832. Ч. IX. № 10. С. 270–278 (раздел IX: «Отечественные известия»).

³⁸ Там же. 1831. Ч. VI. № 24. С. 580.

Имя Г. С. Сковороды, думается, могло привлечь Тургенева близостью к орловской земле: возможно, писатель знал, что философ прожил последние дни в орловском селе Хотетово, где и скончался.

Особое место в «Телескопе» отводилось переводам статей западных философов — Гегеля, Фихте, Шеллинга, Кузена. Печатались их биографии. Так, в разделе «Современная летопись» (1831. № 17) помещен некролог на смерть Гегеля. О той эпохе Тургенев ностальгически напишет в письме от 16 (28) марта 1857 года своему бывшему учителю И. П. Ключникову: «Тогда еще и об Гоголе не было помину, и Людовик Филипп только что воцарился — и бедный Виссарион еще собирался писать в Москве — и Гегель был жив и Пушкин...».³⁹

Но все же «Телескоп», как видно, привлекал Тургенева прежде всего отделом критики. В качестве главного критика и рецензента в журнале выступал сам его издатель Надеждин. Яростно обрушиваясь на романтизм, каковым он представлял на страницах «Московского телеграфа», Надеждин, как известно, выдвигал стержнем «истинного направления» своеобразно понимаемую «народность». В статье «Европеизм и народность в отношении к русской словесности» он писал: «В основание нашему просвещению положены *православие, самодержавие и народность*. Эти три понятия можно сократить в одно, относительно литературы. Будь только наша словесность *народною*: она будет *православна и самодержавна!*».⁴⁰

С этих позиций Надеждин поднимает на щит патриотические стихи Красова, исторические сочинения Погодина, Лажечникова, которые он противопоставляет произведениям Пушкина и Гоголя. Его мишенью становится роман В. Гюго «Собор Парижской богородицы» (в переводе того времени — «Парижский собор богородицы» («*Notre Dame de Paris*»)), в котором он обнаруживает множество натяжек и несообразностей (мнение, которое позже будет разделять и Тургенев). Надеждин настойчиво развивает тезис о том, что в России нет еще литературы, нет и театра, а поэзия угасла. Это приводит критика к парадоксальному выводу: сопоставляя в обзоре русской литературы произведения Пушкина и стихи молодого поэта В. Г. Теплякова, Надеждин не только ставит их в один ряд, но и ожидает от последнего «достойного продолжения таланта» первого: «Мы конечно слишком далеки от того, чтобы нового, только что явившегося выходца поставить на одну доску с заслуженным корифеем нашей словесности; но при всем том признаем, что та-

³⁹ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 216.

⁴⁰ Телескоп. 1836. Ч. XXXI. № 2. С. 264.

лант *Теплякова*, по нашему крайнему разумению, кажется, обещает в себе достойное продолжение таланта *Пушкина*. Если он не будет так жив, так богат, так затейлив, то, с другой стороны, может даже превзойти его великолепием и пышностью поэтического убранства. Но это все не обогатит нашей бедной словесности никаким важным приобретением. В стихотворениях *Теплякова*, несмотря на их наружный ослепительный блеск, замечательно отсутствие самобытного, могущественного, родотворно-зидительного вдохновения, которое одно производит для вечности. Новый поэт может продолжить для нас эпоху *Пушкина*, может наполнить более или менее яркими, искусственными блестками ужасную пустоту нашей словесности; но — не осеменит ее для новой, самобытной, самопроизводительной жизни!». ⁴¹ По мнению Надеждина, последние произведения (с 1829 по 1831 гг.) *Пушкина* являют собой «ряд неудачных попыток таланта, разочарованного в юношеских своих мечтах и не умеющего найти опоры для своих зрелых помыслов и вдохновений». ⁴² Критик по существу отказывает *Пушкину* в развитии, обнаруживая оскудение его таланта: «...не оскудевая в силах, талант *Пушкина* ощутительно слабеет в силе, теряет живость и энергию, выдыхается. Его блестящее воображение еще не увяло, но осыпается цветами, лишаящимися постепенно более и более своей прежней благовонной свежести. Напрасно привычным ухом вслушиваешься в знакомую мелодию его звуков: они не отзываются уже тою неподдельно-естественною, неистощимо-живою, безбоязненно-самоуверенною свободою, которая, в прежних стихотворениях его, увлекала за собой непреодолимым очарованием. Как будто резвые крылья, носившие прежде вольную фантазию поэта, опали; как будто тайный враждебный демон затянул и осадил рьяного коня его». ⁴³ Весьма холодно встречает *Надеждин* и пушкинские «*Повести Белкина*».

Пройдет десяток с лишним лет, и *Тургенев* в уже упомянутой статье о русской литературе в «*Illustration*» представит зарубежному читателю *Пушкина*, *Гоголя* и *Лермонтова* как национальных поэтов. В речи на открытии памятника *Пушкину* он вспомнит 1830-е годы, время нападок на великого поэта: «*Пушкин* сам предчувствовал это охлаждение публики. Как известно, он в последние годы своей жизни, в лучшую пору своего творчества, уже почти ничем не делился с читателями, оставляя в портфеле такие произведения, как „*Медный всадник*“». ⁴⁴ Писатель,

⁴¹ Телескоп. 1832. Ч. IX. № 9. С. 121–122.

⁴² Там же. С. 115.

⁴³ Там же. С. 111–112.

⁴⁴ *ПССиП(2)*. Соч. Т. 12. С. 346.

возможно, прежде всего имел в виду несправедливые нападки Надеждина, как и многие в то время привыкшего видеть в Пушкине «какого-то сладкопевца, соловья».⁴⁵ В рецензиях тех лет Надеждин писал, что Пушкин деградировал в последних своих произведениях. Белинский в статье «Ничто о ничем, или Отчет г. издателю „Телескопа“ за последнее полугодие (1835) русской литературы», как будто желая смягчить позицию своего наставника, писал: «...романтизм, в отношении к Пушкину, состоял в том, что он искал поэзии не в современных и преходящих интересах, а в вечном, неизменяемом интересе души человеческой».⁴⁶

Позднее Тургенев объяснит охлаждение к Пушкину причинами, лежавшими в самом историческом развитии российского общества, в переходе его «из литературной эпохи в политическую».⁴⁷ Но тогда, в середине 1830-х годов, антипушкинские выступления Надеждина, должно быть, болью отзывались в душе Тургенева, почитавшего Пушкина «чем-то вроде полубога».⁴⁸

В «Литературных и житейских воспоминаниях» Тургенев указал и на то впечатление, которое произвели на него статьи Белинского в «Телескопе» с разбором и оценкой стихотворений модного тогда поэта Бенедиктова. Прочтя статью, посвященную разбору вышедшего в 1835 году сборника стихотворений поэта,⁴⁹ «от доски до доски», он почувствовал, что, несмотря на видимое негодование, в нем «что-то <...> невольно соглашалось с „критиканом“, находило его доводы убедительными... неотразимыми».⁵⁰ Однако расставание с кумирами было, как видно, нелегким, о чем можно судить по письму Тургенева к Л. Н. Толстому от 16, 23 декабря ст. ст. 1856 года: «...знаете ли Вы, что я *целовал* имя Марлинского на обертке журнала — плакал, обнявшись с Грановским, над книжкою стихов Бенедиктова — и пришел в ужасное негодование,

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Телескоп. 1836. Ч. XXXI. С. 161–162. Ср.: *Белинский*. Т. 2. С. 10.

⁴⁷ *ПССУП(2)*. Соч. Т. 12. С. 347.

⁴⁸ Там же. Т. 11. С. 12.

⁴⁹ См.: *Белинский В.* Стихотворения Владимира Бенедиктова. СПб. 1835 // *Телескоп*. 1835. Ч. XXVII. № 11. С. 357–387. Ср.: *Белинский*. Т. 1. С. 355–371. Этот том «Телескопа» не сохранился в библиотеке Тургенева — по его словам, он прочел статью Белинского «в кондитерской Беранже» (*ПССУП(2)*). Соч. Т. 11. С. 22). Зато сохранился том XXXII за 1836 г., где в статье Белинского «О критике и литературных мнениях „Московского наблюдателя“» стихам Бенедиктова отведено немало места и где они аттестованы «литературными побрякушками» (С. 235).

⁵⁰ *ПССУП(2)*. Соч. Т. 11. С. 22.

услыхав о дерзости Белинского, поднявшего на них руку?». Но «благодаря той статье Белинского о Марлинском, — заключает он, — да еще двум-трем таким же — о Бенедиктове и др. — мы пошли вперед».⁵¹

Не подлежит сомнению, что Тургеневу была известна публикация «Философического письма» П. Я. Чаадаева — этот том (Телескоп. 1836. Ч. XXXIV. № 15) сохранился в библиотеке писателя. Как известно, статья стала причиной закрытия журнала, высылки его редактора, расправы над ее автором. Белинский был тогда подвергнут обыску и лишился службы.⁵² Тургенев, с неизменным уважением относившийся к Чаадаеву, числил его среди зачинателей целой традиции философской мысли.⁵³ По свидетельству современников, он встречался с Чаадаевым в начале 1840-х годов, позднее подарил ему писарскую копию первой редакции комедии «Нахлебник», запрещенной цензурой в 1849 году, со следующей дарственной надписью: «Петру Яковлевичу Чаадаеву в знак искренней дружбы от автора».⁵⁴

Запрещение «Телескопа» повлекло за собой закрытие и его приложения — газеты (журнала) «Молва» (1831–1836), которую в 1835–1836 годах редактировал Белинский и где, по сути, состоялось его подлинное вступление на поприще литературного критика.

В 1834 году в десяти номерах «Молвы» — с сентября по декабрь — была опубликована статья Белинского «Литературные мечтания (Элегия в прозе)», сразу же обратившая внимание читателей на ее автора. «Критики» Белинского «судорожно ожидали в Москве с 25-го числа каждого месяца».⁵⁵ Тургенев не составлял исключения. Он вспоминал: «Вскоре после появления его <Белинского. — Л. Б.> первых критических статей в „Молве“ и „Телескопе“ <...> в Петербурге начали ходить слухи о нем как о человеке весьма бойком, горячем, который ни перед чем не отступал и нападал на „все“ — на все в литературном мире, ко-

⁵¹ ПССуП(2). Письма. Т. 3. С. 167.

⁵² Н. Г. Чернышевский, ссылаясь на чье-то «достоверное свидетельство», писал, что первое «Философическое письмо» было передано в «Телескоп» Н. В. Станкевичем через Белинского (см.: Генералова Н. П. И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб., 2003. С. 328).

⁵³ О близости высказываний героя романа Тургенева «Дым» Потугина и идей «Философического письма» Чаадаева см.: Там же. С. 325–334.

⁵⁴ О встречах Тургенева с Чаадаевым в московских салонах в начале 1840-х гг. см.: Тургенев И. С. <Семейство Аксаковых и славянофилы> / Публ. Н. П. Генераловой, А. Я. Звигильского, В. А. Кошелева // РЛ. 1995. № 4. С. 149, 151.

⁵⁵ Кулешов В. И. История русской критики. М., 1978. С. 143.

ТЕЛЕСКОПЪ.

ЖУРНАЛЪ

СОВРЕМЕННОГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ НАДЕЖДИНЫМЪ.

ЧАСТЬ XXV.

Che chi ha i duo occhi, il veda!

ALFIERI.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ П. СТЕПАНОВА.

1835.

«Телескоп» (1835). Титульный лист журнала.
Мемориальная библиотека Тургенева, Орел

нечно».⁵⁶ «Литературные мечтания» стали «широчайшим эскизом концепции критика»,⁵⁷ положили начало теории реализма Белинского, имевшей разнообразные последствия для дальнейшего развития нашей словесности и для творчества Тургенева, в частности.

В книжном собрании Тургенева можно видеть три из пяти книжек «Молвы» — за 1831, 1835 и 1836 годы. Возможно, два тома, зафиксированные в *Каталоге 1885 года* и не дошедшие до нас, относились к 1832–1834 годам. Тургенев ознакомился с публикациями «Молвы» еще в пору их появления, пересматривал их и позднее, после поступления книг Белинского в Спасское: последний том издания (за 1836 год) имеет на форзаце владельческий автограф критика.⁵⁸ Можно предположить, что в 1830-е годы будущий писатель пользовался какими-то другими экземплярами этой газеты. Дошедшие до нас книжки «Молвы» были многократно просмотрены (читательниц могли привлекать эффектные картинки парижских мод), однако пометки имеются лишь в томе за 1836 год (Ч. XI), на страницах рецензии некоего «П» на книгу Ф. А. Герстнера «О выгодах построения железной дороги из СПббурга в Царское село и Павловск <...>». Речь идет о необходимости для России с ее просторами строительства железных дорог, без которых невозможны ни прогресс, ни процветание государства. Частный вопрос под пером рецензента становится вопросом о судьбе цивилизации. Именно этот сюжет заинтересовал нашего читателя. Так, он отчеркивает на полях пассаж о главной потребности современного общества, которая состоит «в преодолении препятствий пространства и времени».⁵⁹ На следующей странице отмечен отрывок, где автор обосновывает глобальное значение этой проблемы и пишет о близости осуществления давней мечты человечества: «...они <железные дороги. — Л. Б.> рано или поздно, но возьмут свое <...>»;⁶⁰ «...самым естественным образом составится из всего рода человеческого одно великое семейство, связуемое взаимною зависимостью, выгодою и уважением, тот вечный мир, о котором мечтал добрый Генрих IV».⁶¹ Эти и ряд других помет на полях статьи напоминают читательскую манеру Тургенева и могли быть

⁵⁶ ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 21.

⁵⁷ Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем / Под ред. М. К. Лемке. Пг., 1919. Т. 13. С. 22.

⁵⁸ В описание книг Белинского, составленное Л. Р. Ланским, «Молва» не вошла.

⁵⁹ Молва. 1836. Ч. XI. № 10. С. 281 (Раздел: «Библиография»).

⁶⁰ Там же. С. 282.

⁶¹ Там же. С. 283.

сделаны им уже позднее. Как бы то ни было, идея человечества как единой семьи, связанной «взаимной зависимостью и уважением», была воспринята поколением Тургенева как цель, к которой следует стремиться. Эта мысль, между прочим, выразилась в стихотворном послании писателя немецкому литератору К. А. Фарнгагену фон Энзе, где слышатся отголоски «Оды к радости» Шиллера.

Библиографический раздел был наиболее сильной частью периодических изданий Надеждина. «Молва» представляет читателю сочинения Батюшкова, новые произведения Пушкина, первую книгу стихотворений Кольцова, стихи Полежаева, повести Гоголя, которые рецензент относит «к числу самых необыкновенных явлений в нашей литературе».⁶²

На страницах «Молвы» можно видеть обширные обзоры наиболее влиятельных периодических изданий того времени: в 1831 году Надеждин открывает «Молву» внушительными статьями «Некрология московских журналов» и «Новое поколение русских журналов». Из номера в номер даются хлесткие и нелюбезные характеристики периодики той поры: «Московский вестник» — «юноша с роскошными надеждами, с пламенными порывами», «Атеней» — «журнал казенно-философский, благонамеренный, московский», «перепугавший публику своей ученостью», «Галатея» — «обыденная бабочка», «Библиотека для чтения» — «в конечном итоге успехами своими обязана Смирдину», новый журнал «Московский наблюдатель» после первых приветственных комплиментов аттестуется как «щегольской», «ловкий», «любезный журнал», «лаковая шкатулочка». Позже не будут обойдены вниманием первые книжки пушкинского «Современника», который новый негласный редактор издания Белинский назовет «явлением важным и любопытным».⁶³

Всегдашним оппонентом «Молвы», как, впрочем, и «Телескопа», является «Московский телеграф», постоянной мишенью — «Северная пчела», «жало которой всегда устремлено против Москвы». Белинский подхватил и многократно усилил критический пафос Надеждина, что, естественно, вызывало ответный огонь. Он резко выступает против конъюнктурных соображений в журнальном деле, выдвигает требование честности, ответственности автора перед своими читателями. «Из уважения к себе мы не верим существованию у нас продажных суждений, притворных мыслей, умышленно ложного направления приноравли-

⁶² Там же. 1835. Ч. IX. № 15, стлб. 242.

⁶³ См.: Там же. 1836. Ч. XI.

ваться не ко благу общему, а к минутной прихоти читающих», — писал автор статьи «Журналистика».⁶⁴

Критические оценки «Телескопа» и «Молвы» не прошли бесследно для Тургенева. Так, он в какой-то мере воспринял их негативный взгляд на творчество В. Гюго, например, отзывы о романе «Собор Парижской Богоматери», распространявшиеся на все течение французского романтизма, которые иначе как разгромными не назовешь: «Нынешние французские так называемые романтики не вышли, а выпрыгнули за рубеж возможной уродливости воображения и в чад фантастического своего исступления мечтают, не в шутку, быть представителями *романтизма* <...>». По мнению рецензента, такие «романтики» играют роль паяцев.⁶⁵ Позднейшие уничижительные характеристики Гюго в письмах Тургенева, по-видимому, восходят ко временам «Молвы». Писатель не раз будет ставить в вину французскому классику неестественность, преувеличения, отсутствие правды.

Подобно статьям «Телеграфа», публикации «Телескопа» и «Молвы» учили будущего писателя критически мыслить, не бояться выступать против общего мнения.

По-видимому, с собранием Белинского в библиотеку Тургенева поступил журнал «Московский наблюдатель» — последний московский журнал, связанный с издательской деятельностью критика. Задуманный как энциклопедическое издание, «журнал для немногих», «Московский наблюдатель», выходявший с марта 1835 года, не скрывал своей элитарной направленности, проповедуя идеи Шеллинга и одновременно веру в особую историческую миссию православной России. В издании участвовали Даль, Венелин, Погодин, Шевырев, Хомяков, Н. Языков и др. Официальным редактором журнала был ученый-экономист В. П. Андроссов. Белинский не преминул выступить против аристократической позиции журнала и, прежде всего, его ведущего сотрудника и критика Шевырева (статья «Ничто о ничем...» и др.). Полемика Белинского с «Московским наблюдателем» велась до 1838 года, когда сами сотрудники охладели к своему журналу и покинули его. Тогда издание полностью перешло в управление Белинского, который привлек к участию своих друзей: К. С. Аксакова, М. А. Бакунина, В. П. Боткина, И. П. Ключникова, П. Н. Кудрявцева. Новый редактор ввел в журнал раздел библиографии, придал всему более литературно-критическую направленность. Но, несмотря на все усилия Белинского, ему не удалось спасти

⁶⁴ Молва. 1835. Ч. IX. № 4, стлб. 60.

⁶⁵ Там же. 1831. № 18. С. 7.

издание. Тем не менее в бытность Белинского на посту редактора журнал являлся «одним из лучших» «по цельности его характера, по достоинству литературного отдела и, наконец, по критике».⁶⁶

В журнальном разделе библиотеки Тургенева сохранилась лишь одна книжка «Московского наблюдателя» за май–июнь 1836 года. Однако в *Каталоге 1885 года* упоминается пять выпусков издания за 1835 и 1839 годы. В уцелевшем томе представлены стихотворения Ознобишина и Н. Языкова, переводы «Флорентийских ночей» Гейне и прозы Жорж Санд. И. И. Срезневский публикует здесь свои «Очерки Севера», Погодин — «Славянские новости», издатель Андроссов выступает со статьей, посвященной комедии Гоголя «Ревизор». В журнале напечатан пространственный ответ издателю «Телескопа» на его рецензию в связи с выходом в свет «Истории поэзии» Шевырева. В сухой академической манере автор сочинения полемизирует с рецензентом; статья отличается эрудицией, историко-литературными частностями, но вряд ли способна увлечь читателя. В том же томе Шевырев делает разбор путевых очерков Надеждина и уличает его в некомпетентности. Однако это, что называется, брань «между своими». Журнал осознает себя частью прогрессивной партии журналистики и своей позиции не скрывает. Так, в рубрике «Отметки Наблюдателя» высмеиваются литературные мнения наиболее влиятельного журнала той поры — «Библиотеки для чтения», где ругают Гегеля, Шеллинга, Бальзака, Гюго, Пушкина, Гоголя, Хомякова, Надеждина, зато хвалят Коцебу, Булгарина и Загоскина.

Читал ли Тургенев «Московский наблюдатель» в бытность свою студентом? Определенно этого утверждать нельзя. Однако следует отметить, что появившаяся в «Журнале министерства народного просвещения» рецензия Тургенева на книгу А. Н. Муравьева «Путешествие по святым местам русским» (1835)⁶⁷ была опубликована почти одновременно с разбором этой книги, напечатанным в сохранившемся экземпляре «Московского наблюдателя». Не исключено, что во время работы над своей статьей Тургенев успел познакомиться с рецензией на книгу в «Московском наблюдателе». Различие в подходах двух рецензентов существенно: если в статье «Наблюдателя» делается акцент на религиозной стороне сочинения Муравьева, то Тургенев выдвигает на первый план историко-культурное значение предмета.

Знакомство Тургенева с публикациями «Московского наблюдателя» как будто подтверждает и упоминание в «Литературных и житейских

⁶⁶ *Пытин А. Н.* Белинский и его переписка. СПб., 1876. Т. 1. С. 244.

⁶⁷ Рецензия Тургенева была напечатана в № 8 «Журнала министерства народного просвещения» за 1836 г. (С. 391–410).

воспоминаниях» комедии Белинского «Пятидесятилетний дядюшка, или Странная болезнь», опубликованной в журнале в 1839 году, уже в бытность критика на посту его редактора.⁶⁸

Помимо комедии, о которой Белинский не любил вспоминать, критику удалось поместить в «Наблюдателе» более 120 статей. Однако в силу разных причин тираж журнала неуклонно снижался, что привело в конечном итоге к его прекращению. Осенью 1839 года Белинский переедет в Петербург, где начнется новый этап его деятельности, во многом изменивший облик русской журналистики.

Осенью 1854 года, по прибытии библиотеки Белинского в Спасское, Тургенев тревожился о судьбе изданий Пушкина, Гоголя, «самых интересных годов „Современника“». ⁶⁹ В письме к Тургеневу от 11 (23) октября 1854 года П. В. Анненков сообщил, что указанные тома отыскивались: «Помните у меня возле печки на этажерке — связанные веревочкой книжки. Это все ваши, о которых по кривоте глаза я совсем забыл. Тут много „Современник<a>“ и много №№ „Отечес<твенных> записок“ (старых), которые и дополняют вашу коллекцию».⁷⁰ На основе этого письма Анненкова можно сделать предположение, что Тургенев, возможно, вслед за Белинским, намеревался собрать *коллекцию* отечественной периодики. Упоминание Анненкова о многочисленных томах «Современника» позволяет думать, что до нашего времени дошли далеко не все книжки журнала, которому Тургенев посвятил лучшие годы своей жизни.

В библиотеке писателя ныне можно видеть лишь 13 разрозненных томов «Современника» за 1836, 1837–1838, 1849, 1851, 1853–1854 годы. Подборку открывает первая книжка пушкинского «Современника» — тома 1 и 2 за 1836 год, объединенные единым переплетом; на корешке имеется тиснение — «В. Б.» (Виссарион Белинский).

В дошедшей до нас книжке журнала Пушкин опубликовал «Путешествие в Арзрум», где, среди прочего, он упоминает о посещении Орла — родного города Тургенева, с целью навестить А. П. Ермолова. В том же томе были помещены пушкинский «Скупой рыцарь»; «Коляска» и «Утро делового человека» Гоголя, «Записки» Н. А. Дуровой — воспоминания о войне 1812 года, стихотворения Кольцова, драматическая сказка Н. Языкова. Здесь же — разбор комедии Гоголя «Ревизор».

⁶⁸ ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 42.

⁶⁹ Там же. Письма. Т. 2. С. 298. Письмо к П. В. Анненкову от 1 (13) октября 1854 г.

⁷⁰ Анненков. Письма. Кн. 1. С. 40.

Посмертное издание «Современника» — том 5 за 1837 год наличествует в библиотеке Тургенева в двух экземплярах. На одном из них, а также на томе 6 на корешке имеется тиснение: «Библиот. XIII артил. бригады».

Том 5, частично составленный Пушкиным, был дополнен письмом Жуковского к С. Л. Пушкину о последних минутах жизни поэта. Позже, когда Анненков работал над биографией Пушкина, он жаловался Тургеневу на невозможность сказать правду о его гибели: «Решительно недоумеваю, что делать! Он в столице, он женат, он уважаем, и потом вдруг он убит. Сказать нечего, а сказать следовало бы <...>». ⁷¹ В ответ Тургенев посоветовал ему закончить биографию поэта именно упомянутым выше письмом Жуковского. ⁷²

В «Современнике» за 1837 год напечатаны шедевры Пушкина — «Медный всадник», «Сцены из рыцарских времен», «Русалка», «Египетские ночи», «Арап Петра Великого», последние стихотворения поэта. В томах 5, 6 и 8 обращает на себя внимание ряд пометок, сделанных карандашом. В томе 5 отчеркнуты строки из «Хроники русского», из статьи Карамзина «О древней и новой России», из повести Одоевского «Сильфида», в томе 6, в разделе «Новые книги», отмечено сообщение об очередном томе «Энциклопедического лексикона», сочинение Масальского из времен Петра I. В томе 8 подчеркнуты отрывки из «Восточной жизни» Тита Космократава. ⁷³ Не исключено, что пометки были сделаны рукой Тургенева: в эти годы его брат Н. С. Тургенев служил в артиллерии и два тома «Современника» из библиотеки 13-й артиллерийской бригады могли попасть в Спасское с его книгами.

Все, что было связано с Пушкиным, всегда представляло для Тургенева первостепенный интерес. Нельзя не вспомнить, что ему довелось увидеть Пушкина незадолго до гибели поэта на вечере у П. А. Плетнева, который взял на себя заботу о «Современнике» и который в середине 1837 года принял к публикации первые стихи Тургенева. Та книжка журнала — том 9 за 1838 год — по сей день стоит на полках тургеневской библиотеки. Здесь, между прочим, расшифрованы (рукой Тургенева?) псевдонимы некоторых авторов: «Хроник русского в Париже» за подписью «Э. А.» — «Эолова арфа» (т. е. А. И. Тургенев), повести «Два студента», подписанной «С. В.» (В. А. Соллогуб). В этой книжке на страницах 151–152 напечатано стихотворение Тургенева «Вечер»

⁷¹ Там же. С. 8. Письмо от 12 (24) октября 1852 г.

⁷² ПССиП(2). Письма. Т. 2. С. 156. Письмо от 28 октября (9 ноября) 1852 г.

⁷³ Описание помет см.: Ланский Л. Р. Библиотека Белинского. С. 539–540.

за подписью «— — —вь». Знаменательно, что эти первые стихи появились в пушкинском «Современнике», рядом с посмертными публикациями поэта. Так Тургенев органично входит в круг поэтов послепушкинской поры.

Однако он еще будет колебаться, прежде чем вступить за порог русской журналистики. Это вступление произойдет не вдруг. В 1839 году он не решится ответить утвердительно на предложение сотрудничества в журнале «Пантеон русского и всех европейских театров» (редактор Ф. А. Кони), о чем напишет Т. Н. Грановскому: «Кони собирается издавать Пантеон русского и всех возможных театров. Цель этого издания мной хорошо не понята. Он мне, кажется, хочет предложить поступить в сотрудники — но я все еще колеблюсь погрузиться в русский литературный мир — в „сей грязный омут, господа“». ⁷⁴ Тургенев, кажется, хорошо осведомлен об «изнанке» отечественной журналистики. В том же письме он упоминает Одоевского и Краевского (издателя «Отечественных записок»), которые, как он пишет, «составляют особую clique» (клик). Он упоминает и Сенковского, редактора «Библиотеки для чтения», который «продолжает свой путь так же, как и прежде», упоминает и о Полевом, тогда неофициальном редакторе «Сына отечества»: «Полевой не имеет сотрудников и набирает их в высших классах кадетских корпусов, инженерных и других училищ, из учеников, начитавшихся разной дребедени и переводящих повести, данные им Полевым в воскресенье, — украдкой, в течение всей недели, при свете ночников». Тургенев делает неутешительный вывод насчет состояния русских журналов: «В них не видно перемены <...>. Но боже мой! где ж ты, молодое поколение, черт возьми!». ⁷⁵

Нужен будет яркий талант Белинского, его упорство и бесстрашие, чтобы ответить на вызов Тургенева, прозвучавший в письме к приятелю. Деятельность выдающегося критика, начавшего в том же 1839 году петербургский период своего творчества, будет связана с «Отечественными записками». Надо думать, не случайно с этим изданием будет связано и вступление Тургенева на литературное поприще.

⁷⁴ ПССиП(2). Письма. Т. 1. С. 144. Письмо от 4 (16) декабря 1839 г.

⁷⁵ Там же.